Неизвестный источник

Published: Jan. 1, 1878

Патронат в России и за границей : Организация помощи освобождаемым из мест заключения

Фойницкий Иван Яковлевич

Российский учёный-правовед, криминолог, ординарный профессор, товарищ обер-прокурора Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената. Тайный советник. Считается одним из основоположников социологического направления в науке уголовного права, изучения преступности как явления социальной жизни.

Abstract

Данная работа посвящена вопросу организации помощи освобожденным из мест заключения. Автор считает, что только при решении этой проблемы можно ожидать успешные результаты от тюремной реформы и уменьшения расходов на тюремное дело.

Keywords: места заключения, патронат, помощь освобожденным

I.

Деятельность филантропическая вызывается естественно сочувствием к участи ближнего и стремлением облегчить ее; но если бы существовало только это одно соображение в пользу организации патроната, с целью помощи освобожденным из мест заключения, мы бы еще не решились ставить этот вопрос теперь, в минуту, когда все усилия частной филантропии обращены на другой патронат, на облегчение участи семейств павших и раненых воинов. Мы не решились бы, при существовании только этого соображения, сделать малейший шаг, последствием которого могло бы быть ослабление внимания общественного к последним и уделению части этого внимания к освобожденным из тюрем,—людям во всяком случае порочным, потому что они уже были изобличены в нарушении закона общественного.

Мы решаемся поднять теперь этот вопрос потому только, что с безотложным разрешением его связаны самые существенные интересы гражданского общества и правительства, в отношениях безопасности, благосостояния, нравственности и государственной экономии. Мы ставим его потому, что, не будучи до сих пор ни разу затронут в нашей печати и законодательных сферах, он стоит, тем не менее, в самой близкой связи с делом тюремной реформы, которым серьёзно занята теперь наша законодательная власть. Мы желаем обратить на него внимание, так как только при организации помощи освобожденным из мест заключения можно ждать сколько- нибудь успешных результатов от тюремной реформы и так как, при организации его, возможно значительное уменьшение расходов на тюремное дело, падающих на государственную и земскую казну, а следовательно и на карманы каждого частного лица.

Эти положения стали уже аксиомою для наших западных соседей, преимущественно в Швейцарии, Великобритании, Франции и Северо-Американском Союзе, где они встречают весьма широкое практическое применение. Много умов работало по тюремному вопросу, много опытов перебрано здесь и не мало финансов поглотил он из казначейств различных государств. Было время, когда теория потребовала введение одиночной системы во все места заключения, даже для малолетних,— и громадные суммы отпущены к услугам этой мысли. Было другое

время, когда теория требовала для арестантов системы общих работ с обязанностью безусловного молчания, но при ночном разъединении по спальням,—государства не остановились перед расходами и тяжкими наказаниями для осуществления и этой мысли. Всевозможные иные предложения, сколько-нибудь выдерживавшия критику, равным образом встречали исполнителей, не останавливавшихся перед обширными затратами. Словом, правительство и общество на Западе с своей стороны сделали все возможное, чтобы обеспечить успех тюремной деятельности и дождаться тех результатов, которые им обещали пенитен- циаристы. Но дождались-ли они их?

Успех тюремной деятельности общество определяет, и не может не определять, цифрою рецидива преступлений, так как основная задача, которая ставится себе тюрьмою новейшей школы, состоит в исправлении своих узников, в предупреждении для них нравственной и физической возможности или даже необходимости совершать новые преступления по освобождении. Между тем цифра рецидива во всех государствах, располагающих даже самыми совершенными тюремными системами, представляется громадною и—что всего хуже—год от году возрастает. Если всех содержащихся в тюрьмах Франции разделить на осужденных в первый раз и рецидивистов, то на долю первых придется лишь от 35 до 40%, а на долю вторых от 60 до 65%. В Англии с Уэльсом в общем составе тюремного населения, по официальным данным, рецидивисты составляют около 30%; но если обратить внимание, что там не принимаются такия тщательные меры для констатирования рецидива, какие имеют место во Франции, и что самое понятие рецидива в Англии гораздо теснее, то без преувеличения цифру рецидивистов в тюрьмах этой страны можно определить не менее, чем в 60%. В Бельгии, обладающей наиболее благоустроенною тюремною системою, по свидетельству Стифенса на лондонском международном тюремном конгрессе, цифра рецидивистов между арестантами достигает 78%. В тюрьмах Австрии рецидивисты составляют 57%. Пруссия в своих тюрьмах содержит от 60 до 70% рецидивистов. В пенитенциариях Норвегии рецидивисты составляют 40%, в Швеции их насчитывают 30%. Высказывается иногда мнение, что в России, располагающей обширною системою судебной и административной ссылки, нет оснований опасаться чрезмерного распространения рецидива. Но мнение это не оправдывается действительностью. Не говоря уже о сибирских

губерниях, где полуторастолетняя ссылка выработала организованный преступный класс, даже в Европейской России рецидив стоит на весьма почтенной цифре 20% общего количества осужденных, а со включением бродяг поднимается почти до 25%; в округах некоторых судебных палат, напр., с.-петербургской, рецидив уже стоит на 30%.

Таким образом, опасность рецидива не может быть устранена одними тюрьмами. Это становится совершенно понятным, если взвесить то положение, в котором оказывается недавний узник тотчас после освобождения его.

За исключением незначительного их количества, имеющих готовую и обеспеченную семью, большинство освобождаемых суть люди, могущие снискивать себе пропитание лишь под условием ежедневного труда. Положим даже, что, собственно говоря, у нас лишь редкое исключение,—все они успели вынести из тюрьмы заработную плату; но последняя никогда не достигает такой величины, чтобы дать им возможность завести мастерство за свой счет и риск, так что им необходимо предстоит искать работы у других. Но кто даст охотно работу человеку, про которого известно лишь, что он отсидел свой срок в тюрьме, кто согласится принять его в свою мастерскую? У освобожденного, предоставленного самому себе, есть единственная возможность получения работы—скрывать, что он находился в тюрьме; но это шанс весьма не верный, как по затруднительности, так и потому, что он может быть разрушен первою встречею с каким-нибудь старым знакомым по тюрьме. А между тем, заработанная в тюрьме сумма успела уже иссякнуть, и освобожденный из тюрьмы, преследуемый недоверием и предубеждением общества, окруженный безвыходною нищетою, с ужасом видит приближение того дня, когда ему придется погибнуть в тяжелой борьбе жизни или уступить соблазнам преступления. Такова участь лучших из осужденных. Перспектива её хорошо известна тюремным сидельцам, и не удивительно, что для отклонения бедствий более между ними опытные в первый же шаг свободной жизни употребляют вынесенные из тюрьмы деньги не на бесплодную большею часть попытку заручиться честным трудом, а на покупку орудий для новых преступлений и на приискание товарищей. Таким образом тюрьма, самым фактом пребывания в ней человека, закрывает ему честный труд и вызывает рецидив преступлений. При наилучшей постановке, она в силах дать своим узникам рабочие привычки, обучить их какому-либо мастерству, возбудить в них сознание совершенной неправды и

стремление стать на дорогу честной жизни и честного труда; но её высокие стены закрывают от глаз общества те усилия, к которым прибегают лучшие из арестантов для самоисправления, и таким образом недоверие и предубеждение общества встречает всех освобождаемых без различия, неизбежно толкая их на новые преступления.

Для того именно, чтобы ослабить это неизбежное влияние высоких тюремных стен и обратить на пользу общественную дорогостоющия усилия тюремного, содержания, и необходима организация помощи освобождаемым из мест заключения. Формы этой помощи могут быть весьма разнообразны, начиная от устройства так-называемых переходных тюрем (intermediale prisons) ирландской тюремно-каторжной системы, переходя к устройству частных убежищ и работных домов для освобожденных и кончая единичными вспомоществованиями освобожденным приисканием мест, доставлением работ, примирением их с родными, приисканием помещений вдали от преступного товарищества, облегчением эмиграции, а также, в случае крайности, выдачею на руки небольших сумм. Но при всем разнообразии этих форм, основная идея помощи состоит в том, чтобы облегчить освобожденному возможность утилизировать приобретенные в тюрьме рабочие привычки и ремесленные познания, возвратить его в среду свободного общества полезным членом. Преследуя эту цель, дело вспомоществования освобожденным из мест заключения уже успело увенчаться на Западе значительными успехами. Если колонии и приюты для малолетних преступников успели значительно понизить рецидив между своими питомцами, то этот блестящий результат, как ныне признано, стал возможным потому только, что они, во-первых, стараются как можно ближе поддерживать постоянные сношения между свободным обществом и своими питомцами еще во время заключения, и, во-вторых, принимают на себя заботы о помещении освобождаемых на работы к частным лицам, поддерживая связи с малолетними и по освобождении их. Весьма естественно было распространение этой идеи и на места заключения для взрослых; правда, первая часть задачи здесь менее выполнима, но для второй открыт полный простор. И действительно, опыт не замедлил подтвердить еще раз, что истины простые суть вместе с тем истины великие, богатые благотворными последствиями. Из 363 освобожденных, встретивших поддержку со стороны гласговского общества, только 13 человек впали в рецидив, а 350

были спасены и для себя, и для государства. В среде покровительствуемых парижским генеральным обществом, рецидивистов оказалось менее 15%. Тюрьмы невшательская и цюрихская в Швейцарии низким процентом рецидива обязаны главным образом деятельности существующих при них обществ вспомоществования освобождаемым. В других странах замечены столь же благоприятные результаты.

Мы считаем невозможным более закрывать на них глаза, и потому находим в высшей степени своевременным и полезным познакомить читателей с делом организации помощи освобождаемым из мест заключения, по крайней мере, в крупных чертах. Наше описание мы начнем со Швейцарии, как государства, где помощь освобождаемым успела пустить весьма глубокие корни в общественное сознание, тем более, что об этой стране мы имеем самые точные и подробные сведения.

II.

Попечительства об освобождаемых из тюремного заключения преступниках возникли в Швейцарии в конце тридцатых годов настоящего столетия и началом своим обязаны как вообще гуманным воззрениям швейцарского общества на судьбу бывших преступников, так и постоянно возраставшему в этом государстве числу преступлений, в особенности же преступлений, совершаемых во второй раз одним и тем же лицом. Тщательное исследование причин и обстоятельств, доводящих людей до преступления, привело швейцарское общество к убеждению, что тюремное заключение во многих случаях не исправляет преступника, и что, в виду опасности, грозящей преступнику, по получении им свободы, снова совершить какое- нибудь преступление или вообще сбиться с пути добродетели и законности, необходимо не только обеспечить дальнейшее его существование в материальном отношении, но позаботиться также и о довершении нравственного его исправления, начало которому было положено в тюрьме.

Сен-Галленский кантон был одним из первых, в котором общество особенно ревностно отнеслось к судьбе бывших преступников и не замедлило устроить у себя для них попечительство, полезная деятельность которого и началась с половины 1839 г. История возникновения этого попечительства

совпадает с историею учреждения в С.-Галлене новой тюрьмы по принципам карательно-исправительной системы. Характер устройства этой тюрьмы необходимо требовал учреждения особого братства или общества для надзора за освобожденными преступниками. После того, как вопрос об учреждении новой тюрьмы и тесно связанного с нею попечительного братства был в течении 1836 и 1837 годов устно и печатно разрешен в утвердительном смысле, за словом не замедлило последовать и дело. Осенью 1838 г. была отстроена сказанная тюрьма, а 24 ноября того же года издан новый закон об уголовных преступлениях, в 5-м пункте которого выражено: «Каждый освобождаемый из тюрьмы, если только он гражданин кантона или постоянный житель оного, по отбытии им срока наказания, передается в ведение попечительства на срок от трех месяцев до трех лет». Что касается до характера деятельности этого попечительства, то в общих чертах он уже ранее был определен решением великого совета, от 15 ноября того же года, касательно управления тюрьмою. В 5-м пункте этого решения сказано: «Коммиссия по управлению тюрьмою позаботится о том, чтобы все преступники, по освобождении их из тюрьмы, нашли себе приличное пристанище и честный заработок и были переданы под надзор попечительства. С этою целью коммиссия позаботится об устройстве своего собственного попечительного общества, на которое малый совет может возложить попечение об освобождаемых из тюрем преступниках, по одобренному им плану». В том же заседании великого совета были выработаны основные положения о предположенном обществе, которое и составилось 10 июня 1839 г. из 36 членов, принадлежащих к разным частям кантона, а 21 того же июня нто общество получило утверждение со стороны малого совета, выразившего при этом, между прочим, надежду, что «общество будет руководствоваться чисто христианскою любовью в исполнении того дела, которого закон не может вменить в обязанность».

Таким образом учредилось с неослабною силою и успехом действующее поныне С.-галленское попечительное общество, в основание которого, как мы могли заметить, принята система принуждения (Zwangssystem), т.-е. условие, чтобы не некоторые лишь, а все без исключения освобождаемые из тюремного заключения преступники поступали в ведение попечительного о них общества. О том, насколько сочувственно относится С.-галленское общество к судьбе бывших преступников, можно судить уже потому, что только что названное нами

попечительство, имевшее в начале всего только 36 членов, в 1865 г. насчитывало их 1005 человек и содержало на своем попечении 774 освобожденных, причем рецидив преступлений в кантоне составлял только 11 на 100.

В цюрихском кантоне попечительное общество об освобожденных из мест заключения образовалось гораздо позднее С.-галленского. 10 апреля 1865 г., по приглашению правительственного советника Бенца, собралось в зале великого совета около 250 человек мужского пола, которые в то же заседание проектировали статут предполагаемого общества, а 21 того же апреля статут этот был утвержден и правительством, вслед зачем избранные из общего числа членов 7 человек для управления, делами попечительства вступили в отправление своих обязанностей. Попечительство это, не принявшее в основание своего устава той системы принуждения, которою характеризуется С.-галленское попечительное общество, отличается от последнего также и тем, что:

оно оказывает свое покровительство исключительно молодым преступникам;

принимает на свое попечение не только преступников, освобождаемых из главной кантональной тюрьмы, но также и выпускаемых из разных других окружных тюрем, и—

при главном или центральном комитете имеет в округах зависящая от него меньшая окружные попечительства, обязанные пещись как о лицах, освобождаемых из окружных тюрем, так равно и о содержавшихся прежде в главной кантональной тюрьме и помещенных затем на жительство в соответственном округе. В случае невозможности учредить окружные попечительства, вместо них, устраиваются по крайней мере окружные комитеты.

В отношении порядка внутреннего управления, а также прав и обязанностей лиц, составляющих Цюрихское попечительство, необходимо заметить, что в то время, как в 0.-таллинском кантоне директор тюрьмы, не будучи членом попечительства, обязан только сообщать сему последнему, за 6 недель до освобождения из тюрьмы каждого преступника, сведения об его возрасте, состоянии, поведении, совершённом преступлении и т. п., директор цюрихской кантональной тюрьмы, вместе с состоящим при ней священником, суть непременные члены центрального комитета, обязанные участвовать во всех его заседаниях и представлять ему подробные сведения о предназначаемых к освобождению из тюрьмы лицах. По

получении таких сведений председатель комитета выбирает из среды его особого члена для каждого из освобождаемых, которого избранный член обязан затем навещать в тюрьме, чтобы поближе познакомиться с ним, узнать об его будущих планах и пред* положениях, о роде жизни и занятий, которые он намерен впоследствии избрать себе и т. п.

Основным правилом попечительства принято не оказывать покровительства тем преступникам, которые не нуждаются ни в материальной, ни в нравственной помощи, или которые отвергают предлагаемую им помощь, хотя, быть может, она была бы им очень полезна, и, наконец, таким, исправление которых невероятно. По числу своих членов Цюрихское попечительство, вероятно вследствие своего позднейшего открытия, значительно уступает С.-галленскому. Так, в 1863 г. это попечительство насчитывало всего только 668 членов, причем покровительствовало 378 освобожденным преступникам; но тем не менее деятельность его оказалась вполне благотворною и в значительной степени способствовала уменьшению числа преступлений в кантоне.

Говоря о цюрихском кантоне, необходимо еще заметить, что в нем, кроме только-что описанного попечительства для освобожденных преступников мужского пола, существует с 1839 года также «дамское попечительное общество», основанное г-жею Елизаветою Фри, урожденной Гёрней, из Лондона, исключительно для лиц женского пола, и действующее, судя по имеющимся у нас сведениям, весьма успешно. Члены этого общества неоднократно посещают заключенных в тюрьме, обучают их, и вообще назиданием, советом и собственным примером стараются возвратить вовлеченных в преступления женщин на путь добродетели. По отбытии срока заключения, бывшия преступницы, в случае надобности, получают от общества в продолжение некоторого времени пропитание и работу. Если обществу не представляется возможности определить освобожденную женщину к какому-нибудь месту или в какое-нибудь порядочное семейство, тогда ей дается на некоторое время убежище в доме какого-нибудь ремесленника в кантоне, с которым общество заключило на сей предмет особые условия; или же общество передает эту женщину на попечение в одно из тех иностранных убежищ (во Франции и Германии), с которыми оно состоит в деятельном сношении. Что касается до денежных средств, то общество не ощущает в них недостатка,

так как добровольные пожертвования поступают к нему, можно сказать, в избытке.

В лкщернском кантоне попечительное общество учредилось в одном году с Цюрихским. 1 марта 1855 г., Люцернское общеполезное общество, по инициативе одного из своих членов, обратившего внимание общества на значительное возрастание в кантоне числа преступлений и преступников, единогласно решило позаботиться о противодействии такому печальному явлению устройством попечительства для освобождаемых • из мест заключения преступников. Постановлено было с этою целью собраться вновь на 6-е декабря того же года. В составленном и разосланном по этому случаю приглашении ко всем членам и благомыслящим людям, между прочим, указывается на то обстоятельство, 1) что число преступлений и преступников в лкщернском кантоне за последния десять лет утроилось; 2) что наказание и исправительное заведение, если они даже и
вполне соответствуют положенной в основание их цели — устрашения и исправления—вовсе не способствуют уменьшению числа преступлений и рецидивов их; 3) что преступник, покидающий тюрьму с твердою решимостью вести на будущее время честную жизнь, будучи предоставлен самому себе, если даже в нем и не развилась еще привычка к преступлениям, вследствие встречающих его в жизни обстоятельств, сплошь и рядом вновь попадает на путь порока, и что в видах противодействия такому прискорбному явлению в Англии, Германии и некоторых кантонах Швейцарии устроились попечительные общества для освобожденных преступников; и 4) что во всех местах, где только существуют подобные попечительства, рецидив преступлений значительно уменьшился; так, наир., в Лондоне, представляющем для человека более, чем где- либо, соблазна и искушений, он не превышает 11%. Означенное воззвание произвело желаемое действие. Собрание 6 декабря в тог же день выработало для предполагаемого попечительного общества устав, в общих чертах схожий с уставом Цюрихского попечительства, а 10 числа того же декабря месяца устав этот был утвержден правительственным советником, после чего общество и открыло свои действия, продолжающияся и по сие время. К сожалению, Люцернское попечительство не может похвалиться особенными успехами на избранном поприще, вследствие того, что встречает

иногда недоверие к себе со стороны общества и, сверх того, ощущает недостаток в материальных средствах.

По образцу С. - галленского и Цюрихского попечительственных обществ, мало по-малу открылись затем подобные же учреждения и в некоторых других кантонах Швейцарии. Так, в 1858 учредилось попечительство к кантоне Тургау, в 1860 г. в Ааргау, в 1874 г. в Апенцеле и Берне. В последнем из этих кантонов в то же самое время открылся и * Дамский комитет» для призрения освобождаемых из мест заключения женщин. В том же 1864 году последовало преобразование, или, точнее сказать, возрождение попечительства в кантоне Ва- адте, которое хотя и было учреждено еще ранее С. - галленского, именно в 1834 г., но по встретившимся затруднениям в скором же времени должно было отказаться от своей цели и на время передать состоявших под его опекой освобожденных преступников в ведение Лозанского Евангелического общества. Попечительное общество открыто также и в Женеве, но о характере и результатах его деятельности нам ничего не извесно.—В кантоне гор. Базеля нет особого попечительства об освобождаемых из мест заключения преступниках; вместо же попечительства, заботу о судьбе таких лиц, по отбытии ими определенного срока тюремного заключения, приняло на себя существующее там общество для распространения добра и общественной пользы (Geselschaft zur Beförderung des Guten und Gemeinnützigen). Благотворная деятельность этого общества ограничивается, к сожалению, только одними молодыми преступниками, которые получают от общества, по выходе из тюрьмы, необходимую одежду, инструменты и материалы для работы, а также обучаются на его счет разным ремеслам.

Имеются ли подобные попечительства, или, вообще говоря, обеспечена ли хоть сколько-нибудь судьба освобожденных из тюрем преступников в других кантонах Швейцарии,—нам неизвестно. По крайней мере до 1870 г. в других, не названных нами здесь, кантонах, как видно из имеющихся у нас источников, не существовало ничего подобного. Мы думаем однако, что в течении последних восьми лет и другия местности Швейцарии успели уже хоть сколько-нибудь сравняться в этом отношении с описанными нами кантонами, так как необходимость учреждения попечительстве во всех кантонах сознана была в Швейцарии еще в 1869 году, как это видно из реферата, прочитанного председателем с. - галленского суда и тамошнего попечительства об освобожденных преступниках Г. М. Форрером

на бывшем 21 и 22 сентября 1869 г. в С.-Гал- лене общем собрании Швейцарского тюремного общества. В первых двух, окончательно принятых собранием, тезисах этого реферата выражено: «Попечительство об освобождаемых из тюремного заключения уголовных преступниках (а в некоторых случаях и таких лицах, которые были подвергнуты исправительному наказанию), в видах поддержания общественной нравственности и обеспечения общественного права, составляет вполне целесообразное и полезное учреждение и потому необходимо позаботиться о том, чтобы это учреждение существовало решительно во всех кантонах».

III.

Из Швейцарии перейдем в соседнюю с нею Германию и посмотрим на деятельность тамошних попечительных обществ, начало которых относите» в двадцатым годам настоящего столетия. Результаты деятельности германских попечительств почти столь же удовлетворительны, как и швейцарских. Из числа, наир., 6,436 человек, содержавшихся в 1864 году в 34 местах заключения Германии, было только 1,739 таких, которые совершили преступление во второй раз; след. рецидив составлял только 27°/<>- Таким благоприятным результатом Германия обязана главным образом неутомимой деятельности своих попечительств о бывших преступниках. Не имея возможности, по недостатку состоящих в нашем распоряжении источников, описывать историю возникновения и развития каждого из германских попечительств, и в то же время не желая утомлять читателей повторением почти одного и того же, мы в настоящем нашем очерке ограничимся только указанием на главнейшие пункты устава берлинского тюремного общества, основанного в 1828 году и принявшего, между прочим, на свою обязанность также и попечение об освобождаемых из тюрем преступниках, и на наиболее выдающияся черты деятельности Дюссельдорфского попечительства, учрежденного в 1826 году, исключительно для преступников, выпускаемых из тюрем Рейнской провинции и Вестфалии. Этих немногих данных будет, как мы надеемся, вполне достаточно для оценки той громадной пользы, которую приносят все вообще подобные попечительства в Германии.

»Наше общество», сказано, между прочим, в уставе Берлинского тюремного общества, »поставившее себе также

задачею содействовать нравственному и гражданскому улучшению освобождаемых из мест заключения преступников и таким образом способствовать устранению того недоверия, которое встречает бывших преступников при возвращении их в гражданское общество, и тех препятствий к их дальнейшему усовершенствованию, которые приходится при атом испытывать даже самым лучшим из них, тогда только может рассчитывать на успех, когда его деятельность будет иметь во всех отношениях воспитательный характер. В его деятельности, как и в деятельности воспитательной, должна быть оказываема одновременно и помощь телесная и помощь духовная: первая—для устранения препятствий, мешающих нравственному исправлению, а последняя—как непосредственно действующее целебное средство. Заботясь о бывших преступницах, общество должно тщательно следить за ними и руководить ими; между обществом и находящимися на его попечении бывшими преступниками должны существовать такия же отношения, какия существуют между отцом и сыном, между опекуном и опекаемым. — Оказываемая обществом освобождаемым преступникам телесная или материальная помощь никак не должна иметь характера раздавания милостыни, дабы нельзя было упрекнуть общество, что оно людям, дошедшим до крайности вследствие совершённых ими преступлений, отдает то, чтб должно бы было принадлежать столь же нуждающимся, но ничем не запятнавшим себя людям. Отнюдь не должно забывать, что оказывание материальной помощи не составляет цели общества, но только служит средством для цели, т.-е. для того, чтобы поставить освобожденных преступников на путь исправления и держать их на этом пути; необходимо постоянно помнить, что эта помощь должна иметь место только при уверенности или по крайней мере достаточной вероятности, что освобожденный твердо намерен исправиться, и никак не должна переступать за пределы своей цели,—вообще же эта помощь должна заключаться только в доставлении освобожденному честного заработка посредством соответствующей его склонностям и уменью работе. Поэтому те из освобожденных, которые не хотят работать, точно так же не могут и не должны пользоваться подобною помощью, как и те, которые не могут работать по телесной неспособности: первые должны быть передаваемы в ведение полиции, а последние—в ведение попечительства о бедных. — Более чем о телесной помощи, в видах истинного исправления бывшего преступника, обществу

следует заботиться об оказании ему духовной помощи, т.-е. о том, чтобы он живо сознавал не столько свою телесную, сколько свою духовную беспомощность или свою греховность и нелицемерно стремился бы выйти из такого бедственного состояния.— Общество должно находиться в постоянном сношении с начальством мест заключения и получать от него, за несколько времени до освобождения того или другого преступника, сведения: 1) об его имени и фамилии, 2) о возрасте, 3) о вероисповедании, 4) о происхождении и прежнем образе жизни, 5) об его родителях или опекунах, если таковые у него есть, 6) об его будущем местопребывании, 7) о совершённом им преступлении, 8) о судебном месте, приговорившем это к тюремному заключению, 9) о продолжительности его заключения, 10) о дне освобождения его из тюрьмы, 11) о прежней его судимости, 12) об его поведении во время нахождения его в тюрьме в последний раз и о том, насколько можно надеяться на дальнейшее его исправление, 13) об его познаниях и 14) об его собственных предположениях насчет предстоящей ему по освобождении жизни.—Если заключенный в тюрьму успел заработать себе там некоторую сумму денег, то, по освобождении его оттуда, ему выдается из этой суммы лишь столько, сколько ему необходимо для того, чтобы добраться до избранного им самим или назначенного ему обществом места будущего его жительства; остальная же часть его заработка отдается в распоряжение общества, которое и снабжает освобожденного на счет этой суммы всем необходимым ему обзаведением в новой его жизни. Общество вступает в непосредственное сношение с полицейскими властями и чрез их посредство проверяет и дополняет полученные им из мест заключения сведения о преступниках. Определяя освобожденного преступника на какое- нибудь место или отдавая его в обучение какому-нибудь мастерству, общество с тем вместе непременно должно сообщить будущему хозяину освобожденного все, что ему известно о прошедшей жизни последнего. Общество должно употребить все зависящия от него средства к тому, чтобы помешать возобновлению связей освобожденного с товарищами его прежней порочной жизни и отстранить от него, по возможности, все те внешния побуждения, при которых было совершено уже искупленное им преступление. Если освобожденный, побуждаемый искренним расканием и угрызениями совести, сам пожелает быть помещенным сколь можно далее от места, в котором он

совершил преступление, то обществу следует удовлетворить, по возможности, такому желанию».

Заканчивая здесь изложение главнейших и существеннейших пунктов устава Берлинского тюремного общества касательно его попечения об освобождаемых из мест заключения преступниках, считаем не лишним прибавить, что общество это с давних пор успело уже приобрести всеобщую известность в восточной Пруссии и в числе своих членов и добровольных жертвователей, оказывающих ему немалые услуги в материальном отношении, насчитывает несколько высокопоставленных особ и, между прочим, императора и императрицу Германии и других членов царствующей в Пруссии фамилии.

Обратимся теперь к Дюссельдорфскому попечительному обществу. Устав этого общества имеет в основных положениях много общего с Берлинским. Члены общества оэнакомливаются с преступниками еще до выхода последних из тюрьмы, изучают их тамошнюю жизнь, узнают их склонности, способности и предположения на счет дальнейшей их жизни на свободе, дают им читать книги религиозно-нравственного содержания и доставляют им, по возможности, работу. Таким образом, попечительство начинает свою деятельность еще в тюрьме, чем главным образом и кладется прочное основание для дальнейших успехов. При выходе преступника из тюрьмы, ему, для необходимого первоначального обзаведения в жизни, выдается денежное пособие из суммы, составляющейся из членских взносов. В крайних случаях, вместо денежного пособия, освобожденному дается временное помещение в особом убежище, содержимом на средства попечительства. Срок пребывания в этом убежище различен, смотря по обстоятельствам и по поведению бывшего преступника; для лиц же, не подающих надежды на исправление, он не может продолжаться более 6-ти месяцев. Если проживающий в убежище своим поведением и трудолюбием успеет снискать себе полное доверие своих попечителей, тогда общество рекомендует его на какое-нибудь частное место, причем в день выхода его- из убежища в честь его устраивается небольшое празднество. Кроме главного или центрального Дюссельдорфского попечительства, в провинциях устроены такия же вспомогательные ему попечительства, имеющия одинаковую с ним организацию и обязанные представлять ему ежегодные отчеты о своей деятельности.

Большую поддержку своей деятельности встречает Дюссельдорфское попечительство со стороны местного духовенства. Так, на одиннадцатом провинциальном синоде в Вестфалии сделана несколько весьма важных и полезных для деятельности попечительного общества постановлений. Первым из этих постановлений вменено в обязанность состоящим при тюрьмах духовным лицам сообщать приходским пасторам фамилии освобожденных, которые, по выходе из тюрьмы, намерены проживать в районе их приходов; пасторам же сих последних предложено посещать поселившихся в их приходе бывших преступников, способствовать всеми зависящими от них мерами нравственному их улучшению, а с тем вместе—не оставлять без своего покровительства также и семейств этих людей. Сверх того, имея в виду, что недоверие, питаемое обыкновенно обществом к бывшим преступникам, и особенно к таким, которые состоят под надзором полиции, составляет главнейшее препятствие в деле перевоспитания этих лиц, синод постановил просить министра внутренних дел об отмене полицейского надзора или, по крайней мере, о значительном его ослаблении, как для бывших преступников, состоящих в ведении самого попечительства, так и для независящих от общества, но отличающихся вполне безупречною нравственностью. В заключение, синод признал необходимым, чтобы сверх уже существующих были открыты еще новые убежища для лиц, освобождаемых из мест заключения.

Таковы в общих чертах меры, принимаемые Дюссельдорфским попечительным обществом и вестфальским духовенством для нравственного исправления бывших преступников.

IV.

От Германии обратимся к Англии и посмотрим на деятельность тамошних обществ попечения об освобождаемых из мест заключения преступниках.

Существование попечительных обществ для бывших преступников с давних уже пор узаконено в Англии особым правительственным актом и одобрено также очередными сессиями мировых судей (Quarter Sessions), в большей части значительнейших графств и городов, как-то: в Миддльсексе, Сёррее, Ланкашире, Иоркшире, Стаффордшире, Вервикшире, Уилтсе, Лондоне, Бристоле и пр. Каждое из этих графств и

городов имеет у себя деятельное общество попечения об освобождаемых из тюрем преступниках. Общества эти, везде, где только они учреждены, оказывают самое благодетельное влияние, засвидетельствованное лицами, заслуживающими полнейшего доверия. Так, например, лорд Морлей, читая 24 июля 1871 года в палате лордов во второй раз от имени правительства биль «О предотвращении преступлений», между прочим сказал: «Не могу покончить с этою частью предмета, не воздав вполне заслуженной похвалы «обществам для пособия освобождаемым из мест заключения», приносящим громадную пользу. Справедливость требует, чтобы добрые дела- этих поистине благодетельных учреждений были известны всему свету». В таком же точно смысле выразился в 1872 году и тогдашний министр внутренних дел, лорд Абердин, в речи, произнесенной им на международном тюремном конгрессе.

Не ограничиваясь однако только узаконением этих обществ, английское правительство, в виду несомненной их пользы для государства, проявляющейся главным образом в уменьшении числа рецидивов преступлений и проистекающем отсюда сокращении расходов по содержанию в тюрьмах преступников, постановило оказывать им также и материальную поддержку из своих собственных средств. Так, законом 1862 года дозволено судьям выплачивать за каждого освобождаемого из места заключения особую выходную сумму, в размере не свыше двух фунтов стерлингов, с тем, чтобы эти деньги поступали в ведение подлежащего общества вспоможения бывшим заключенным. Этот-то источник, вместе с членскими взносами и пожертвованиями благотворительных лиц, и составляет тот фонд, располагая которым, попечительные общества в своей деятельности достигают тех блестящих результатов, о которых свидетельствует тюремная статистика Англии. Так, например, из числа 2,565 человек, освобожденных в течении семи лет из Колд-Бат-Фильдской тюрьмы, благодаря поддержке со стороны столичного общества для пособия бывшим заключенным, только 159 возвратились к своей прежней порочной жизни. Столь же утешительные цифры можно было бы привести и для других местностей и тюрем Англии.

Не излагая подробно истории учреждения и характера деятельности всех попечительных обществ Англии, мы опишем для примера, по имеющимся у нас достоверным источникам, образ действий одного только Лондонского попечительного общества, именуемого «The discharged prisoners’aid Society».

Лондонское попечительное общество, основанное на началах истинно-христианского человеколюбия, состоит в ведении самых именитых мужей Англии. Комитет этого общества, под председательством маркиза Вестминстерского, составляют епископ и члены королевского совета и парламента. В числе имен вице- президентов этого комитета встречается, между прочим, и имя лорда Шефтсбёри. Из отчета общества за 1867 год видно, что в период времени с 1857 по 1867 год общество содержало на своем попечении 5,257 преступников, в том числе 4,678 мужчин и 579 3женщин. Помощь, оказанная обществом этим лицам, заключалась главным образом в снабжении их одеждою, инструментами и материалами для производства ремёсел, и некоторыми другими средствами для приобретения заработка честным трудом. Секретарь комитета майор Тильбрук в конце своего отчета приводит множество фактов, свидетельствующих о том, насколько действительно полезна была помощь, оказанная обществом освобожденным преступникам, и насколько по тому самому полезно для государства учреждение этого общества.

Цель Лондонского попечительного общества ясно выражена во 2-м пункте его устава, в котором сказано: «Общество имеет своею целью оказывать покровительство тем из освобожденных преступников, которые избраны комитетом; покровительство же это заключается в доставлении бывшим преступникам работы или средств для возвращения на родину, в приискании им приличного помещения, или оказании временной помощи тем из них, которые желают поступить куда-нибудь на место». Что касается до способов достижения основной своей цели, то в отношении их определено обществом: 1) ни в каком случае не покровительствовать освобожденному, если с его стороны нет никакой гарантии в том, что покровительство будет для него действительно полезно, и 2) пользоваться в деле оказания покровительства только самыми простыми мерами, удобоисполнимыми и благодетельно влияющими на нравственность покровительствуемых. Первую гарантию, какая требуется обществом от освобождаемого, составляет рекомендация директора той тюрьмы, в которой он содержался. В этой рекомендации должны заключаться самые полные и точные сведения о прошедшей жизни бывшего преступника, об его поведении за время пребывания его в тюрьме, о цифре причитающегося ему от тюрьмы денежного вознаграждения за произведенные им работы, об его склонностях, способностях и о

роде занятий, которые он предполагает избрать себе по освобождении на волю. К этим сведениям обыкновенно прилагается и фотографическое изображение освобождаемого, которое, вместе с такими же портретами других бывших преступников, хранится в обществе в особом альбоме. Вторая, не менее важная гарантия, требуемая попечительством от освобождаемого, состоит в том, что в случае желания последнего поступить на попечение общества, он должен, по выходе из тюрьмы, тотчас же явиться в агентство общества и передать секретарю его все свои деньги, вырученные им от работ, исполненных во время пребывания его в тюрьме. Эта мера полезна в том отношении, что дает обществу вещественное ручательство за искренность намерения освобожденного исправиться и отнимает у него возможность непроизводительно истратить приобретенный им в тюрьме заработок. Вся эта сумма —или, по крайней мере, некоторая часть её—передается затем тому лицу, которое соглашается принять к себе бывшего преступника в услужение и которому, вместе с тем, сообщается по секрету и все прошлое освобожденного. Есть еще и третья гарантия, придающая обществу особенный авторитет в отношении некоторых из освобождаемых, именно тех, которые, на основании принятой в Англии системы, за свое примерное поведение и трудолюбие, получают так-называемое «ticket of leave» (увольнительный билет), т.-е. освобождаются на известных условиях из тюрьмы до истечения определенного им срока заключения. Одно из этих условий состоит в том, что освобождаемый подчиняется полицейскому надзору. Если же условно освобождаемый конвикт пожелает поступить на попечение общества, тогда полицейский надзор заменяется для него надзором самого общества, в агентство которого он обязуется являться каждый месяц. Пока поступившия на попечение общества лица проживают в Лондоне, они остаются вне полицейского надзора: полиция может, конечно, знать их, но ей формально запрещено следить за ними, если только не представится каких-нибудь обстоятельств, навлекающих на них подозрение в совершении новых преступлений. За то попечительное общество зорко следит за своими конвиктами и доставляет о них в определенные сроки сведения начальнику полиции. В случае нарушения конвиктом предписанных ему условий, он немедленно передается в ведение полиции. Этой последней меры более всего боятся освобожденные, потому что в надзоре за ними самого общества видят все-же таки акт,

внушаемый обществу чувством любви и желания им добра, какого чувства они вовсе не предполагают в надзоре полицейском; — этим и объясняется, почему люди этого сорта так добровольно подчиняются всем правилам общества, как бы ни были строги эти правила. Таковы меры, которыми попечительное общество гарантирует свои действия.

Средства, употребляемые обществом для достижения поставленной в основание его цели, весьма просты: они заключаются главным образом в приискании покровительствуемым им лицам соответственной их способностям и наклонностям должности,—например, слуги в каком-нибудь семействе, сидельца в магазине и т. п., или же — доставлении им необходимых средств для начатия какого-нибудь собственного торгового или
промышленного предприятия. Казалось бы на первый взгляд, что не легко поместить подобного рода людей куда-нибудь на должность; но в действительности оказывается совсем иное. В Лондоне, да и вообще в Англии, есть весьма много людей, которые, руководствуясь принципом человеколюбия, не боятся принимать к себе в услужение подобных несчастливцев, особенно же имея в своих руках такия отличные средства для удержания их в пределах должного и законного, каковы — заработок освобожденного и знание всей прошлой его жизни.

До приискания соответственного места, общество выдает состоящему на его попечении освобожденному из заработанной им в тюрьме суммы самое необходимое количество денег и нанимает ему помещение в части города, наиболее отдаленной от места жительства прежних его товарищей по пороку и преступлению, влияние которых могло бы быть для него вредным. Если покровительствуемое обществом лицо есть женщина, то ее обыкновенно помещают в какое-нибудь убежище, с начальницей которого общество состоит в постоянных сношениях, или к какой-нибудь другой особе, пользующейся доверием общества. Лица престарелые или одержимые телесными недостатками и потому не могущия заниматься ручными работами, снабжаются от общества некоторым количеством овощей или плодов и делаются мелкими уличными торговцами. Впрочем, такого рода занятия не особенно одобряются агентами общества, так-как мелочная торговля на улицах легко развивает страсть к бродячей жизни и приводит нередко мелких торговцев в сношения-с прежними знакомыми, последствием чего могут быть рецидивы преступлений. Те из

освобожденных, у которых в колониях есть друзья, готовые принять их к себе на жительство и способствовать их нравственному улучшению, получают от общества бесплатно билет на проезд туда и сверх того необходимую экипировку.

Что касается до самой организации общества, то она как нельзя более проста. Комитет из трех секретарей, из которых два почетные, двух или трех коммиссионеров и стольких же инспекторов, заведует всеми делами общества. На инспекторов исключительно возложена обязанность навещать ежедневно одного или нескольких из освобожденных, помещенных обществом на какия-нибудь должности, и затем представлять секретарю письменный рапорт о результате этих посещений. Содержание представляемых инспекторами рапортов вносится с возможною полнотою и точностию в общие списки призреваемых обществом; так-что из из этих списков можно составить самую полную биографию бывших преступников с момента поступления их в ведение общества.

Познакомившись в предыдущем с организациею и характером деятельности Лондонского общества попечения об освобожденных из мест заключения преступниках и получив таким образом возможность составить себе по нему общее понятие об устройстве и образе действий всех прочих попечительств этого рода в Англии, мало-лишь чем отличающихся от рассмотренного, взглянем также и на деятельность Франции по отношению к людям, искупившим свои преступления тюремным заключением и вновь вступающим в жизнь с обществом.

V.

Во Франции общественное мнение долгое время не сознавало громадной пользы, приносимой государству учреждением обществ попечения об освобождаемых из тюрем преступниках. Никакия убеждения лучших законоведов Франции, каковы, напр., Шарль, Лукас и др,, указывавших на .необходимость позаботиться о судьбе освобождаемых, ни постоянное возрастание рецидива, ни достойный подражания пример других просвещенных государств Европы,—ничто не могло вывести Францию из её апатии и побудить ее заняться улучшением нравственного н материального быта бывших преступников. Общество до того было проникнуто презрением к подобным личностям, что когда в 1842 г. бывший тогда министр

внутренних дел, граф Дюшатель, в палате депутатов стал разбирать проект об учреждении попечительства об освобожденных преступниках, то многие из присутствовавших в собрании решились поднять свой голос против такой меры, считая ее утопиею великодушия.

Не следует, однако, думать, будто во Франции, которую никак нельзя упрекнуть в отсутствии человеколюбия, решительно ничего не было сделано на пользу падшего человечества. Напротив и в ней учреждались, поныне еще существующия, попечительства для освобожденных преступников, приюты, убежища и т. п. Так, напр., всем известно попечительное общество для несовершеннолетних преступников Сенского департамента, обязанное своим существованием и процветанием знаменитым Ьеранже-отцу и вышеупомянутому криминалисту Лукйс. Были также сделаны отдельные попытки учреждения попечитель ств и для взрослых, не имевшия, однако, никакого определенного плана и предназначавшияся исключительно для женщин, устроены даже многие приюты и убежища для взрослых, бывших преступников мужского и женского пола. Но все эти учреждения как по основной цели своей, так и по способам достижения её и результатам своей деятельности существенно отличны от попечительств для освобожденных—в том значении этого слова, какое придается ему в других государствах Европы.

Таково было положение дел во Франции до самого 1869 г., в котором пастор Робэн, член нынешнего генерального французского тюремного общества, учредил общество попечения об освобождаемых из мест заключения взрослых преступниках протестантского вероисповедания и тем положил во Франции начало таким же попечительствам, какие существуют и в других перечисленных нами выше государствах.

Одновременно с учреждением этого общества, другое лицо, совершенно справедливо именуемое неутомимым и ревностным пропагандистом идеи о необходимости повсеместного распространения попечительств о бывших преступниках, задумало громадный проект устройства одного генерального попечительства этого рода для всей Франции, которое, познакомив французское общество с значением заграничных попечительств и пользою, приносимою ими своим государствам, вызвало бы отдельные силы Франции к совокупной деятельности на пользу нуждающегося в перевоспитании человека. Это был Ламарк.

В конце 1870 года, преодолев множество затруднений, Ламарк успел, наконец, убедить своих сограждан в настоятельной необходимости учреждения задуманного им попечительства и не замедлил привести затем свое намерение в исполнение. Этому, конечно, много способствовали также и тогдашнею обстоятельства. На глазах Франции совершались тогда события, более, чем когда-либо, требовавшия изыскания всех возможных средств к искоренению порока и нищеты. В силу- то этих обстоятельств идея Ламарка нашла себе, наконец, всеобщее сочувствие и деятельную попощь со всех сторон' Национальное собрание, к которому Ламарк обратился с просьбою об утверждении своего проекта и об оказании ему необходимого содействия, единогласно одобрив этот проект, декретом от 4 ноября 1875 г. узаконило существование генерального общества попечения об освобождаемых из мест заключения Франции.

Учрежденное таким образом по идее и плану Ламарка, генеральное попечительное общество имеет в виду двойную цель:

Покровительствовать освобождаемым из тюрем Франции, доставляя им необходимую для существования работу, а в некоторых случаях и одежду, инструменты для производства ремесл, а также и временное пристанище, и—

Содействовать учреждению во всех местах французской территории попечительных обществ, поддерживать эти общества всеми зависящими от него мерами и поощрять частных лиц к благотворительности в пользу освобождаемых.

Несмотря на недавность своего основания, генеральное попечительное общество успело уже оказать свое содействие около 700 освобожденным из мест заключения и вызвал открытие провинциальных попечительств во всех концах Франции. Не перечисляя названий всех этих попечительств, заметим только в заключение, что их в настоящее время такое множество, что правительство и общество озабочены уже не столько изысканием средств к открытию новых учреждений этого рода, сколько разрешением вопроса о наилучшей в практическом отношении организации их. Таким образом, Франция, долгое время отстававшая в деле покровительства бывшим преступникам от других государств Европы, в какие-нибудь два или три года успела сделать на этом поприще едва ли не более того, до чего дошли другия государства в течении многих лет труда, терпенья и настойчивости.

В остальных государствах западной Европы благотворительное дело учреждения попечительств для освобождаемых из мест заключения преступников, как кажется, или вовсе не находит себе применения, или практикуется в самой слабой степени. По крайней мере относительно Бельгии нам известно, что тамошнее общество считает существование попечительств для бывших преступников делом почти лишним, и надеется, что полного исправления преступников можно достигнуть, вовсе не прибегая к этой мере, с помощью лишь правильной системы тюремной дисциплины. В Швеции точно так же еще очень мало сделано на пользу освобожденных. Так, в 1872 году там, как видно из ответов шведского королевства на запросы, сделанные ему бывшим в Лондоне международным тюремным конгрессом, существовало всего только два попечительных общества этого рода. Судя, однако, по словам советника при верховном дворе шведского королевства, известного криминалиста К. д'Оливекроны,
для Швеции не далеко то время, когда и она в деле обеспечения судьбы освобождаемых из мест заключения станет в уровень с Англиею, Германией) и другими государствами. «С чувством живейшей радости, —говорит д'Оливекрона в конце своего сочинения: «О причинах рецидива преступлений и средствах к ослаблению их влияния», —узнали мы, что патриотическое общество (Fosterländska Föreningen), принесшее уже столько пользы поощрением бережливости и сокращения расходов, в годовом заседании 25 апреля 1872 года сделало воззвание к шведскому народу «о необходимости принять меры к уменьшению рецидива». Эго воззвание найдет себе, как мы надеемся, сочувственный отголосок во всех сердцах добрых граждан и истинных друзей человечества; патриотическое общество, конечно, не напрасно обратилось к шведскому народу с воззванием относительно предмета, достойного во всех отношениях серьёзного внимания и самого горячего рвения*. «Мы заканчиваем эти страницы», добавляет д'Оливекрона в заключение своего сочинения, «в полной надежде, что в скором времени образуется и генеральное общество попечения об освобождаемых из мест заключения взрослых и молодых преступниках, центральное отделение которого будет в Стокгольме, а вспомогательные—во всех главных городах провинций. Если общество это получит хорошую организацию, если в управлении и деятельности этого общества примут

участие мужчины и женщины, полные рвения и опытности, тогда отечество и человечество могут и должны ожидать от него прекрасных результатов ».

Что касается до принятой в Северо-Американских Соединенных Штатах системы попечения об освобождаемых из мест заключения преступниках, то о ней, по неимению у нас никаких данных, мы решительно ничего не можем сказать; мы думаем, однако, что судьба бывших преступников обеспечена в Америке не менее, чем и в Англии.

VI.

Изложив в предыдущих очерках развитие и современное состояние общественной помощи освобождаемым из мест заключения за границей, мы должны обратить теперь внимание на самую больную сторону этого вопроса, именно на состояние его в нашем отечестве.

Молодой, но уже составивший себе почетное имя в политико-филантропической деятельности, англичанин, Мерри Браун (Murrey Browne), в представленном им брейтонскому съезду социальных наук реферате об обществах вспомоществования освобожденным из мест заключения, между прочим, говорит: «В России пенитенциарная реформа находится еще в состоянии зародышном.. Первое общество покровительства освобожденным учреждено в этой империи в 1872 году.» Как ни суров этот приговор, но и его приходится принять за комплимент: у нас до сих пор нет ни одного общества, которое бы учредилось с целью вспомоществования освобожденным из мест заключения, так что, за одним исключением, о котором мы скажем далее, в нашем обширном отечестве освобождаемые из мест заключения оставляются совершенно на произвол общественных предубеждений и недоброжелательства, которые в большинстве случаев приводят их к новым преступлениям.

Полная весьма интересных страниц русская история тюремного попечительства, в котором, при непосредственном почине правительства при ими. Александре I и Николае I, одно время принимала деятельное участие вся высшая интеллигенция нашего общества, оставляет на первый взгляд такой важный пробел совершенно непонятным. Но объяснение его лежит именно в весьма широких и неуместных для общества задачах, которые были на него возложены его уставом.

На основании устава 1819 г., перешедшего затем в Свод законов, общество попечительное о тюрьмах представляет собою разбросанную по всей империи сеть установлений, ведающих хозяйственную и нравственную стороны тюремной жизни под ближайшею ответственностью лиц, занимающих более или менее высокое положение на государственной службе. Оно образовалось в ту историческую эпоху тюремной филантропии, когда последняя задавалась одною задачею—облегчить по-возможности тяжелую участь тюремных сидельцев в отношениях экономическом и нравственном, и остановилось на этой первобытной точке, несмотря на истекшие полвека. Филантропическая деятельность, поставленная под ближайшую ответственность лиц официальных, мало-по-малу исказилась в своем существе и превратилась в канцелярскую рутину. Множество работ по внутренней тюремной жизни закрывали глаза общества от попечений об участи арестантов по освобождении, и как только тюремные ворота открывались для арестанта, общество попечительное «о тюрьмах» переставало существовать для него... до нового преступления.

Однако, хотя устав общества попечительного о тюрьмах обходит совершенным молчанием вопрос о помощи освобожденным, в нем не содержится прямого на то запрещения. С другой стороны, закон, хотя и косвенно, установляет меры, рассчитанные на поощрение освобожденных к честной жизни за пределами тюрьмы; так, напр., он заботится, чтобы арестант к выходу из тюрьмы мог заработать деньги, выдаваемые по освобождении, вводит над освобожденными полицейский надзор и надзор общества, одною из задач котЬрого, несомненно, должно быть устранение от недавнего узника прежних пагубных влияний и доставление ему возможности окончательно смыть с себя пятно преступления. Руководясь этими мотивами, С.-петербургский комитет общества попечительного о тюрьмах, с разрешения министра внутренних дел, в 1875 году основал «Убежище для освобожденных из мест заключения», с особым в нем отделением для несовершеннолетних. Сюда могут поступать освобождаемые из различных тюрем С.-Петербурга в течении недели со дня освобождения, и пользоваться в убежище помещением, пищею и одеждою в течении до 4 месяцев. Попечительство и начальник убежища приискивают призреваемым работы на свободе, облегчают им возвращение на родину, заботятся об устройстве в самом убежище мастерских для занятий призреваемых и принимают другия меры,

направленные к тому, чтобы направить своих питомцев по дороге чести и общественной пользы. Несовершеннолетние из призреваемых, по уставу, пользуются в убежище и школьным преподаванием в объеме народных училищ. Из следующей призреваемым заработной платы вычитается стоимость содержания их, для каждого в отдельности.

Вот и все, чтб имеется имеется в России по предмету попечения освобожденным из тюрем. Но, во-первых, этот класс лиц с избытком встречается и в других местах империи, кроме С.-Петербурга, и участь его во многих местах, преимущественно густо населенных, представляется весьма тяжелою. Во-вторых, при той форме попечения, которая принята С.-петербургским комитетом, помощь может быть доставляема весьма ничтожному количеству нуждающихся в ней даже в местах, где она практикуется, где убежища открыты и находятся в действии. Чтобы доставить освобожденным помещение, содержание и работы, нужны громадные затраты, и для сокращения их необходимо прибегать к сокращению числа призреваемых. «Убежище» С.-петербургского комитета, в течении двух лет своего существования, приняло всего около 90 человек, а между тем оно ежегодно обходится комитету, за вычетом расходов на обзаведение мастерских и наемной платы (1200 р.) не менее чем в 3000 руб. То же было замечено и в других государствах; напр., убежище в Глэсгау, учрежденное в 1859 г., приняло в этом году только 60 человек, между тем стоимость его в течении первых девяти месяцев, не считая издержек на обзаведение, возрасла до 433'/- фунт, стерл., т.-е. около 3000 руб. В-третьих, и самое главное, единственная практикуемая у нас форма попечения об освобожденных, по самому существу своему, наименее пригодна для достижения сколько-нибудь удовлетворительных результатов и во всяком случае не может быть рекомендована в виде общего правила. К ней можно прибегать с пользою только относительно неко- торых категорий освобожденных из мест заключения, именно несовершеннолетних обоих полов и отчасти совершеннолетних женщин; что же касается 'совершеннолетних мужчин, то опыт западных государств успел доказать уже крайнюю непригодность и даже вред её. Сошлюсь на Глэсгауское убежище, которое уже названо выше. С апреля 1859 по январь 1860 г., оно помещалось в сквере св. Андрея, представляя из себя приют-мастерскую, подобно С.-петербургскоми убежищу; но из 60 поступивших в него, 25 человек“ за новые преступления подверглись вторичному

наказанию, 5 чел. скрылись без вести, 4 эмигрировали. Столь неутешительный результат лйца, стоявшия во главе убежища, объяснили помещением его в городе, вблизи от призреваемых их прежних товарищей, и потому решили перевести его в деревню, заняв призреваемых сельско-хозяйственными работами. Но громадные затраты, положенные на осуществление этой мысли (около 1000 ф. ст.), не вознаградились ожидаемыми результатами. Две- трети поступивших в убежище-ферму (41 чел.) впали в новые преступления, и только относительно 8 человек сведения были удовлетворительны. Энергический и весьма честный начальник, стоявший во главе этого учреждения, вынужден был придти к заключению, что «убежище могло принести пользу только несовершеннолетним, побывавшим в тюрьме единственный раз и не успевшим запастись друзьями в этой среде. Но случаи этого рода были настолько редки, что ими не могут оправдываться весьма серьёзные расходы, поглощенные убежищем1 (Lamarque, La rehabilitation des ИиЬёгёв. Paris, 1877, стр. 170.). Тогда глэсгауские филантропы порешили отказаться от этой формы попечения, известной под именем коллективной, и постепенно, в течении беспрерывной 15-ти-летней деятельности, выработали так-называемую индивидуальную форму попечительства. Она состоит в том, что общество, через своих членов и агентов, о каждом освобожденном заботится особо. Никаких общих помещений не устраивается, но за то, знакомясь с арестантом еще в тюрьме и признав его достойным помощи, глэсгауское общество приискивает ему немедленно работу на свободе, старается примирить его с родственниками или прежними хозяевами, в случае нужды содействует эмиграции и лишь в чрезвычайных случаях выдает от себя материальное пособие, но не деньгами на руки, а платою за помещение и содержание освобожденного на первое время. При этом способе попечения, расходы значительно сократились (в течении 10 лет издержано столько, сколько прежде издерживалось в течении одного года), и вместе с тем рецидив в среде призреваемых пал до 10% . Столь же успешные результаты получались и на континенте Европы во всех местах, где существует индивидуальное попечительство. Парижское генеральное общество, построенное на таком основании, в течении двух первых лет своего существования доставило помощь более чем 600 освобожденным, при самых скромных денежных затратах и с блестящими результатами по цифрам рецидива.

Таким образом, при выборе индивидуальной системы попечения освобожденным из мест заключения, денежный вопрос оказывается далеко не столь непреодолимым, как бы могло показаться с первого взгляда. Несомненность этой истины выступит еще рельефнее, если твердо следовать основному началу, на котором должно быть построено все дело попечения, оно должно быть доставляемо не всем желающим, а лишь нуждающимся в нем и заслуживающим его, притом только в пределах необходимости и с обязанностью призреваемого возвратить, по возможности, все понесенные на него расходы. «Рука помощи, — говорит Ламарк, человеколюбие которого едва ли может быть заподозрено, — должна быть протягиваема только освобожденным исправившимся или подающим надежду на исправление. Что же касается тех из них, которые выставляют на показ свое бессилие или, прикрываясь личиною честности, на самом деле твердо решились не отступать от своих порочных привычек, то помогать им значило бы осуждать человеколюбие быть жертвою обмана». «Через-чур щедрая помощь,—прибавляет он,—в большинстве случаев будет скорее приманкою для порока и лицемерия, чем поощрением к раскаянию. Наоборот, ограничение филантропической деятельности исключительно помощью моральною легко может подорвать успех всего дела. Обе крайности следует тщательно избегать». Конечно, выбор из всей массы освобожденных действительно нуждающихся в помощи и заслуживающих ее представляется делом не легким, но в нем заключается почти вся задача, и опыт наших соседей успел уже выработать главнейшая меры, обеспечивающая её правильное разрешение. В Швейцарии, в Великобритании и во Франции прибегают для этого к тщательному исследованию прежней жизни освобождаемого, стараются разузнать, каковы его родные и знакомые и каково поведение его в тюрьме. Находясь в тесных сношениях с тюремною администрациею, попечительные общества значительную часть сведений получают от смотрителя тюрьмы или через его посредство. На случай недостаточности сведений, собираемых этим путем, попечительные общества расширяют их при помощи своих членов и агентов; последние играют особенно выдающуюся роль и признаны уже крайне необходимым органом попечительной деятельности для освобожденных. Заинтересованный получением жалованья, близко знакомый с фабричными и промышленными учреждениями, а также с миром рабочих, он доставляет попечительствам сведения, которые невозможно

получить из бумаг освобождаемого, приискивает места и имеет в своем распоряжении тысячи путей для того, чтобы следить за освобожденным, пользующимся помощью. Опытом доказано, что расход на хорошего комиссионера отнюдь не должен останавливать попечительство.

Прочные связи с тюремным начальством, возможность знакомиться с освобождаемыми еще в стенах тюрьмы и сношения с полициею для получения сведений о поведении освобожденного существенно необходимы для успеха попечительной деятельности. Нет никакого основания полагать, чтобы правительство не протянуло руку помощи попечительству: развитие попечительной деятельности неминуемо приведет к уменьшению в стране рецидива преступлений, а к этому результату направлены усилия высшего правительства. Следует даже ожидать денежной помощи от правительства, так как, особенно на первых порах, частная попечительная деятельность может быть серьёзно стеснена недостатком средств. Парижское общество, после двух лет своего существования, признано «учреждением •общественной пользы* и получает теперь от правительства ежегодно денежную субсидию, в выдаче которой правительство не имеет поводов раскаиваться. Но из этого не следует, что попечительная деятельность должна быть подчинена официальной власти. Напротив, только при полной её самостоятельности, хотя бы с самым широким контролем правительства, только при отсутствии канцелярской рутины и мертвящих формальностей, дело вспомоществования освобожденным из мест заключения может идти успешно. Положение, в котором находится ныне наше «Общество попечительное о тюрьмах», хорошо нам знакомо и должно предостеречь нас на будущее время от этой пагубной ошибки.

Следуя этим началам, по нашему мнению, не трудно найти способы и средства для осуществления идеи попечительства освобожденным из мест заключения, не откладывая этого важного дела в долгий ящик. Во-первых, эту задачу могло бы примкнуть к своим обыкновенным заботам Общество попечительное о тюрьмах. Если С.-петербургский комитет его нашел даже возможным исходатайствовать учреждение особого убежища, поглощающего значительные средства и требующего обширную администрацию, то тем более возможно расширить обыкновенную деятельность общества на попечение освобожденным в той форме, которая не требует ни приискивания квартиры, ни устройства мастерских,

приспособление которых для лиц этой категории весьма затруднительно, и обойдется несравненно дешевле. Оставив убежища для несовершеннолетних, комитеты могли бы ввести для взрослых индивидуальное попечительство. Включение этой новой и многообещающей задачи в круг деятельности комитетов, по нашему убеждению, было бы крайне желательно в собственных интересах Общества попечительного о тюрьмах; служа ей, Общество могло бы снова завоевать то высокое уважение, которым оно пользовалось еще не так давно, развить частную инициативу в среде своих членов, указать им благородную цель деятельности, и таким образом могло сохранить свое существование, которому грозит серьёзная опасность вследствие того, что правительство недовольно, да и имеет полное право быть недовольным его деятельностью. Известно, что обе коммиссии, которым была поручена разработка тюремной реформы, пришли к мысли о необходимости упразднить это учреждение, признав, что задачи, преследуемые им, всецело принадлежат тюремной администрации и что доставляемое обществом вспомоществование арестантам нельзя признать удовлетворительным. Конечно, при тюремной реформе Обществу попечительному о тюрьмах во всяком случае необходимо будет изменить свои цели и формы деятельности, даже если оно удержится. Но, начав изменять их теперь по собственному почину, включив в свою программу удовлетворение таких потребностей, жизненная необходимость которых бьет в глаза, Общество могло бы заменить вопрос о своем прекращении вопросом преобразования, чтб было бы крайне желательно и в интересах самого Общества, и в интересах целого государства: в интересах Общества—потому что смертный приговор ни для кого не желателен, и мы не можем допустить, чтобы общество не приняло самых энергических мер для устранения опасности, грозящей его существованию; в интересах целого государства—потому что успех государственных мер обеспечен более, если они основываются на учреждениях преобразуемым, чем когда их приходится связывать с учреждениями вновь создаваемыми, еще не существующими. Инициатива всего дела могла бы быть взята на себя или комитетами, или президентом и советом президента Общества; последнее было бы всего более желательно, так как при этом способе сбережется много дорогого времени.

Но, кроме Общества попечительного о тюрьмах, во-вторых, дело заботы об освобождаемых из мест заключения с успехом

могли бы взять в свои руки и другия частные общества или кружки, действующие в определенном районе. Не имея других забот, специально посвящая себя помощи освобождаемым из мест заключения, такия частные общества представляют значительные шансы успеха. Те из них, которые устроят это дело практичнее, в скором времени могут надеяться на субсидию правительства, но во всяком случае желателен более или менее продолжительный период испытания за свой страх и риск, прежде чем будет получена правительственная субсидия. Этот период обеспечит самостоятельность таких частных обществ и поможет им приискать способы деятельности, всего прямее ведущие к цели. По той же причине с нашей точки зрения желательно сперва образование отдельных частных обществ, и только с течением некоторого времени дело вспомоществования освобожденным может завершиться соединением отдельных обществ в одно общее или главное. Во Франции, где ныне существует, по стараниям Ламарка, такое генеральное общество, раньше его уже действовали многочисленные частные общества, так что дело помощи освобожденным уже было подготовлено во всех концах этого государства. Тем более необходимо и желательно предварительное развитие отдельных обществ у нас, где существует много таких сторон государственного и народного быта, которых неть за-границей и с которыми нужно познакомиться поближе, лицом к лицу; так, напр., общественное управление, круговая порука, административная ссылка и другие институты нашей бытовой жизни могут оказать весьма серьёзное влияние на постановку вопроса о помощи освобожденным, и с ними нам предстоит познакомиться самостоятельно.

Успех попечительной деятельности для освобожденных зависит от степени готовности и сочувственности, с которыми правительство протянет руку помощи частной инициативе. Имея в виду общегосударственное значение этого дела и нашу, выработавшуюся веками, непривычку к частному почину в подобных случаях, было бы даже желательно, чтобы на первое время правительство приняло участие даже в самой инициативе, но не мерами бюрократическими, конечно, а силою своего нравственного авторитета. По образовании обществ, им необходимо предоставить находящиеся в распоряжении правительства способы ознакомления с освобожденными и наблюдения за поведением их по освобождении, как-то: право посещать их в самой тюрьме, право просматривать тюремные книги, сноситься с полицией и т. под. Затем, года через три-

четыре после начала деятельности отдельных кружков, следует вызвать к жизни центральное общество вспомоществования освобожденным, которое сольется с отдельными ветвями этой системы учреждений, пополнит пробелы, которые неминуемо встретятся, и завершит собою организацию помощи.

Тогда—и только тогда, мы будем иметь право сказать рецидивистам: вы имели полную возможность остановиться на дороге честной жизни, но вы этого не сделали и потому заслужили то наказание, которое вам назначено законом. Тогда, и только тогда, отпадет упрек, по которому само общество является как-бы участником совершаемых в среде его преступлений.